

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ЗАГАДКИ МОРДОВСКОГО ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

В настоящее время можно считать твердоустановленным, что в мордовских языках существует винительный падеж, имеющий артиклевую функцию. По форме он совпадает с родительным и обычно употребляется при определенном объекте действия.

Эрзя-мордовский язык

Пачкодсть Явлейс. Стяпан пурдызе лишменть военкоматонть пелев (Абрамов I 15) 'Они приехали в Явлей. Степан повернул лошадь по направлению к военкомату'; *Эцизе цилименть, кирвастизе ды венстизе кисетэнтъ мекев азоронтень* (Абрамов I 7) 'Набил трубку, зажег ее и отдал (букв. протянул) кисет хозяину'.

Если объект действия является неопределенным, то он выражается формой основного падежа, совпадающего с именительным.

Примеры: *Пильгензэ ютксо сон кирдсь палка* (Абрамов I 11) 'Между ногами он держал палку'; *Сынь таргасть тей од резерват* (Абрамов I 191) 'Они подтянули сюда новые резервы'; *Чинзэ валгомс Марюша кадновсь пирес. Тейнесь пандят, пугсь чурькат, анокстась капста росада* (Абрамов II 46) 'До захода солнца Марюша оставалась на огороде. Делала грядки, сажала лук, готовила капустную рассадку'.

Несмотря на четкость функции, в современных мордовских языках винительный падеж таит в себе много загадок. К ним относится прежде всего история его происхождения. Откуда мог возникнуть показатель определенного винительного падежа *-ñ*? Некоторые финно-угроведы предполагают, что он представляет собой результат исторической эволюции уральского показателя винительного падежа *-m*. Академик Э. Итконен считает возможным переход конечного *m* в *n*, если принять во внимание форму личного окончания 1-го лица единственного числа, например, *valan* 'я лью' из *valam*, т. е. в истории мордовских языков конечный *m*, как и в финском языке, мог переходить в *n*.¹

Однако этот пример единичен, а поэтому малоубедителен. Что касается возможности образования форм типа *valan* 'лью' из *valam*, то и такой путь образования в финно-угроведческой литературе оспаривается. Конечно, морд. *моран* 'я пою' восходит в конечном счете к *морам*, но превращение конечного *m* в *n* могло здесь осуществиться нефонетическим путем.

Д. В. Бубрих в свое время по этому поводу писал: «Принято думать, что *n*-овое окончание форм I л. ед. ч. сказуемого изменения

¹ E. Itkonen, Über das Objekt in den finnisch-wolgaischen Sprachen. — FUF XXXIV 1972, стр. 160.

и безобъектного спряжения является результатом фонетического перехода заканчивающего слова *м* в *н*. Эта мысль ровно ни на чем не основана. Нельзя увидеть ни одного достоверного случая фонетического перехода заканчивающего слово *м* в *н* на мордовской почве». ²

Д. В. Бубрих предполагал, что в прошедшем времени в мордовских языках некогда имелось противопоставление не безобъектных и объектных форм, а форм единичного и множественного действия. Исходя из этого, он допускал возможность существования личных окончаний, которым предшествовал показатель множественности объектов действия *n*, типа *kunda-j-n-m* 'я поймал многих', *kunda-j-n-t* 'ты поймал многих' и т. д. Позднее эти формы приняли вид *kundajń*, *kundajt* и т. д.

После упрощения *kundajnm* 'я поймал многих' в *kundajń* возникло сосуществование двух форм — *kundajń* 'я поймал их' и *kundam* 'я ловлю' или 'я поймаю'. Изменение *m* в *n*, по мнению Д. В. Бубриха, произошло в результате влияния *kundajń* на *kundam*. ³

Интересное объяснение происхождения суффикса винительного падежа в мордовских языках дал Д. В. Бубрих, генетически связав суффикс этого падежа с суффиксом родительного падежа: «Имя существительное-определение в эрзянском языке может стоять во внепадежной форме. Примеры: *тумо лона* 'дубовый лист', букв. 'дуб лист', *пандо пря* 'вершина горы', букв. 'гора вершина'.

Данное явление имеет строгие границы. Оно возможно лишь при условии, если определяющий предмет мыслится как неопределенный. Если он мыслится как определенный, обязательна замена внепадежной формы через родительный падеж. Примеры: *тумонть лоназо* 'дуба-того лист-его', *пандонть прязо* 'горы-той вершина-ее'.

Примем в расчет, что глагол в эрзянском языке имеет именное происхождение...

Спускаясь в те времена, когда на месте глагольных форм были еще именные, мы имеем основание думать, что тогда говорили *кал кунды* 'рыбы ловец', букв. 'рыба ловец', если мыслили неопределенную рыбу, и *калонть кундызэ* 'рыбы-той ловец-ее', если мыслили определенную рыбу. Конечно, это звучало как-то иначе, чем мы изобразили. Нам важно не звучание, а морфологическая постанова определения.

Нетрудно видеть, что все, что касается винительного падежа, объясняется из данной картины самым простым образом.

Вначале не было категории прямого дополнения, а была категория определения при имени, обозначавшем действителя (поскольку в ход пошло именно такое имя). Определение оформлялось согласно обычным нормам: оно могло стоять во внепадежной форме, если обозначало неопределенный предмет, и должно было стоять в родительном падеже, если обозначало предмет определенный.

Но прошло время, сформировался глагол, и слово, которое некогда было определением при имени, обозначавшем действителя, не могло остаться определением — ведь оно относилось уже к глаголу. Оно стало прямым дополнением». ⁴

Таким образом, по Бубриху, *калонть кундызэ* 'рыбы той ловец' превратилось в *калонть кундызэ* 'он поймал рыбу (определенную)'.

Слабость этой гипотезы в том, что с достаточной степенью достоверности пока не выяснено, был ли в уральских языках именной строй

² Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953, стр. 238.

³ Там же, стр. 119, 120.

⁴ Там же, стр. 51, 52.

предложения. Если он действительно был, то почему такое трансформирование не отразилось, хотя бы частично, в других уральских языках? Существующий в некоторых уральских языках винительный падеж на *-t*, который также первоначально был способен обозначать определенный объект действия, никак нельзя вывести из родительного падежа.

Кроме того, имеются некоторые лингвистические данные, свидетельствующие о том, что суффикс родительного падежа в мордовских языках был первоначально представлен твердым *n*. С наибольшей долей вероятности можно было бы предполагать, что древний мордовский родительный падеж, приобретший функцию винительного падежа, сохранил свое старое оформление. Почему же он уподобился по форме более позднему родительному падежу на *-ń*, будучи отличным от него по функции?

Если исходить из типологии развития грамматических значений, то из значения родительного падежа не может спонтанно развиться значение винительного. Здесь можно возразить, что в славянских языках, в частности в русском, родительный падеж может употребляться в роли винительного. ср. *напилл дров, поел хлеба, ничего не знаю, уговаривал брата* и т. п. Но подобного рода аргументы не могут служить опровержением. В славянских и балтийских языках суффикс родительного падежа основан на *-o* по происхождению является аблативом, поэтому указанные случаи типа *набрал ягод* фактически выражают значение партитива. В выражении *ничего не знаю* партитивное значение использовано как эмпфаза при отрицании и обслуживает его.

Суффикс родительного падежа в примере *уговаривал брата* здесь использован как средство устранения омонимии и выражения категории одушевленности. Формальное совпадение суффиксов родительного и винительного падежей в финском языке основано на случайности и не может служить примером развития значений падежных форм. Отсюда следует, что из значения родительного падежа значение винительного возникнуть не может.

В связи с этим встает другой интересный вопрос. Если определенный винительный падеж в мордовских языках существовал с самого начала, то почему в мордовских языках в таких случаях возникло объектное спряжение? В этих условиях в нем не было надобности. Если объектное спряжение появилось позже определенного винительного падежа, то почему сам определенный винительный падеж не претерпел никакого ущерба? В типологически близких языках, имеющих объектное спряжение, аффикс винительного падежа обычно претерпевает ущерб. Так, в сосвинском и пелымском диалектах мансийского языка, а также в хантыйском языке винительный падеж отсутствует, ср. *Ам ти пумась книга ловиньтилум* 'Я читаю эту интересную книгу' (Баландин 80), хант. *Аңкен Гриша л'апытсыл'э* 'Мама (твоя) Гришу накормила (его)' (Русская 92).

Отсутствие винительного падежа в этих языках вполне естественно, поскольку его функции выполняют формы объектного спряжения, указывающие на сочетание глагольного действия с определенным объектом. Нет суффикса винительного падежа и в тех случаях, когда объект действия является неопределенным, ср. манс. *Тав касай пасанни пини* 'Он кладет нож (какой-то) на стол' (Баландин 80), хант. *Нявремьт кцсяр вэнтн кятл'сыт* 'Ребята в лесу поймали бурундука' (Русская 193). Здесь также специальное окончание винительного падежа не требуется, поскольку сами формы безобъектного спряжения, если глагол переходный, показывают, что действие направлено на неопределенный объект.

В ненецком языке винительный падеж почти утратил артиклевые функции, поскольку может употребляться в сочетаниях глагола как с определенным, так и с неопределенным объектом, ср. *Пыдо' нарка варкм' манэ'на* 'Они увидели большого медведя (неопределенного)' и *Мань тэцяңгана тюку латам' тэ'надм'* 'Я вытер тряпкой эту большую доску' (Алмазова 130).

Такое же положение существует в венгерском языке, где винительный падеж в равной мере может обозначать как неопределенный, так и определенный объект действия, например: *Kis András újságot olvas* 'Андраш Киш читает газету (неопределенную)', *A lányok egy szép dalt énekelnek* 'Девушки поют красивую песню (неопределенную)' (Bánhidi 97), *Az igazgató fogadja a vendégeket* 'Директор принимает гостей (определенных)', *Hallod a dalt* 'Слышишь ты эту песню?' (определенную)' (Bánhidi 96).

Утрата артиклевых функций у суффикса винительного падежа в этих языках легко объяснима, поскольку при наличии форм объектного спряжения, указывающих на определенность объекта действия, эта функция является лишней.

Любопытнее всего, что в случаях, когда в мордовских языках глагол употреблен в объектном спряжении и сочетается с винительным падежом, винительный падеж является чистым плеоназмом. Он указывает на определенный объект, как и форма объектного спряжения.

Примеры: *Гриша сезизе прястонзо картузонть, ды раказевсь* (Абрамов I 39) 'Гриша сорвал с головы картуз и засмеялся'; *Надя совась кудов, каузе платиянтъ, полавтынзе цюлкатненъ* (Абрамов I 221) 'Надя вошла в дом, сняла платье и сменила чулки'.

Сохранение в мордовских языках винительного определенного как явно плеонастического средства выражения определенности объекта действия, по-видимому, свидетельствует об относительно недавнем возникновении его в мордовских языках. Попробуем гипотетически восстановить историю этого падежа.

В древности в мордовских языках, как и в марийском, мог быть винительный падеж на *-т*, указывающий на определенный объект действия. Позднее, в связи с возникновением объектного спряжения, он исчез. Вероятнее всего, что его вообще никогда не было, поскольку он не оставил в мордовских языках никаких следов. Что такой период, т. е. когда отсутствовал винительный падеж, действительно существовал, свидетельствует склонение существительных с притяжательными суффиксами.

В притяжательном склонении в эрзя-мордовском языке есть формы без показателя винительного падежа, например, *пильгем* 'моя нога', также 'моей ноги' и 'мою ногу', *пильгеть* 'твоя нога', также 'твоей ноги' и 'твою ногу'. Встречающийся в форме 3-го лица ед. числа показатель *n*, например, *пильге-нзе* 'его ноги' и 'его ногу', по-видимому, не является показателем родительного и винительного падежей. Эрзя-мордовскому притяжательному суффиксу 3-го лица ед. числа соответствует фин. *-nsa*. Но этот *n* по происхождению представляет собой показатель множественного числа: *цёразо* 'сын его' и *цёра-н-зо* 'сыновья его'⁵, и формы типа *пильгензэ* 'его ноги' были приспособлены для выражения функции родительного и винительного падежей, по-видимому, позднее.

Наглядно отсутствие формы определенного винительного падежа можно представить следующим образом: *сон кепедизе прязо* 'он поднял голову', *те лишме тетям рамизе* 'мой отец купил эту лошадь'.

⁵ Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград 1955, стр. 37, 38.

В северном диалекте мансийского языка и в хантыйском языке, как указывалось выше, эта стадия развития сохраняется по сей день. Существительные с притяжательными суффиксами также не имеют специальной формы винительного падежа, ср. манс. *Ам лувум сунн керилум* 'Я запрягаю свою лошадь в сани' (Баландин 82), хант. *Муң газетаяев вожатоя мӓл'эв* 'Мы газету (нашу) вожатому отдадим (ее)' (Русская 88).

Таким образом, функция винительного определенного падежа здесь выражалась дистантным способом, т. е. фактически ее выражал показатель объекта действия в самой форме объектного спряжения, находящийся на известном расстоянии от основы имени существительного, что оправдывает употребление термина «дистантный способ».

Следует заметить, что с лингвотехнической точки зрения дистантный способ, по-видимому, менее удобен по сравнению с суффиксальным, когда суффикс винительного падежа присоединяется непосредственно к основе имени. Дистантный способ недостаточно устранял падежную омонимию, поскольку падеж субъекта действия и падеж объекта действия оказывались одинаковыми по форме.

Если в языке возникает состояние, когда субъект и объект действия оказываются невыраженными, то оно никогда не бывает устойчивым, о чем свидетельствует история различных языков.

В древнеперсидском языке когда-то существовал винительный падеж на *-m*, например: *baga vazrka Ahuramazda, hya imām būmim ada* 'великий бог Ахурамазда, который эту землю сотворил'⁶, который позднее утратился. В современном персидском языке имеется новый винительный падеж с суффиксом *-ra*. Этот падеж обычно указывает на определенность объекта действия. Винительный падеж на *-m* существовал также в древнеиндийском, который позднее также утратился. В новоиндийских языках возникли различные его субституты, употребление которых также связано с выражением определенности объекта действия.

Некогда присущий древнееврейскому языку специальный винительный падеж с окончанием *-ā* исчез, но позднее утрата его была восполнена. Винительный падеж, относившийся к неопределенному существительному, не имел специального окончания. Если же существительное, выступавшее в функции винительного, было определенным, то перед ним появлялась особая частица *eth*, так наз. *nota accusativi*.⁷ Аналогично и в сирийском языке винительный падеж, выражающий неопределенный объект действия, не имел никакого окончания, а определенному объекту действия предшествовал предлог *l*.⁸ В пермских языках предполагаемый уральский аккузатив на *-m* утратился, но его заменил новый аккузатив, выражающий определенность действия.

Точно так же и в мордовских языках возникла необходимость более четкого разграничения падежей субъекта и объекта действия.

При изучении истории языков необходимо также учитывать закон компенсационного равновесия функций. Язык не любит плеоназма. Если формы объектного спряжения выражают определенный объект действия, то винительный падеж либо эту функцию полностью утрачивает, либо он атрофируется. Выше уже говорилось, что определенный винительный падеж в мордовских языках плеонастичен, поскольку дублирует функции форм объектного спряжения. Но в действительности это не пол-

⁶ T. Hudson-Williams, *A Short Grammar of Old Persian*, Cardiff 1963, стр. 35.

⁷ O. Klima, St. Segert, *Mluvnice hebrejštiny a aramejštiny*, Praha 1956, стр. 83.

⁸ C. Brockelmann, *Syrische Grammatik*, Leipzig 1968, стр. 115.

ный плеоназм, а плеоназм значимый. Он свидетельствует о том, что система форм объектного спряжения в мордовском языке утратила морфологическую стройность. В современных мордовских языках морфологический состав форм объектного спряжения необычайно запутан.⁹ Например, в формах *kundyń* 'я поймал их' и *kundyńek* 'мы поймали их' совершенно невозможно выделить показатель объекта действия.

Естественно, что период отсутствия винительного падежа в истории мордовских языков должен был смениться новым периодом, характеризующимся созданием особой формы определенного винительного падежа, который мог бы компенсировать морфологическую нечеткость форм объектного спряжения. В качестве суффикса этого падежа мордовские языки вероятнее всего могли использовать какую-нибудь частицу местоименного происхождения. Действительно, в финно-угорских языках такого рода частицы встречаются. В коми-зырянском языке существует усиленная частица *nõ*, например, *set nõ* 'дай же', *kodí nõ* 'кто же', *kor nõ* 'когда же'.¹⁰ В удмуртском языке встречается усиленная частица *no*, например, *Кытысь но Москвае калык уг лыкты* 'Откуда только в Москву народ не приезжает!'¹¹

К. Е. Майтинская указывает на наличие в мордовских языках усилительного суффикса *-ña ~ -ñe ~ -ne ~ -ñe ~ -ñë*: мокш. *toziñe* 'туда' (точнее 'поближе туда'), *tostãññë*, 'тамошний', эрз. *тозонь* 'туда' (в последнем гласный при суффиксе *-ñ* утрачен).¹²

Таким образом, мы вправе предполагать наличие в древнем мордовском языке энклитической усилительной частицы *ñ* (*нь*), возникшей из *n* + гласный. Первоначально такая частица была средством эмпазы и за ней не была закреплена функция выражения определенности. Реликты этого состояния до сих пор встречаются в мордовских языках, например, эрз. *Калонь кундсеме сакшныль ды ёмась венчем, — мерсь ломанесь ды невьсь ковбути чоподанть* (Абрамов I 373) 'Я приезжал ловить рыбу, да лодка пропала, — сказал человек и показал куда-то в темноту'.

В выражении *калонь кундсемс* 'ловить рыбу' слово *рыба* никак не может быть определенным. Даже в марийском языке, в котором винительный падеж совершенно утратил некогда ему присущую функцию выражения определенности объекта, в выражении *кол кучаш* 'ловить рыбу' слово *кол* 'рыба' не имеет окончания винительного падежа. Совершенно аналогичное явление в коми-зырянском языке, ср. коми-зыр. *чери кыйны* 'ловить рыбу'. Значение определенности за этой частицей закрепилось позднее.

С суффиксом родительного падежа *-нь* эта частица генетически совершенно не связана. В защиту этого положения можно привести одно, на наш взгляд, довольно веское доказательство. Имя существительное, снабженное суффиксом родительного падежа *-нь*, само по себе никакой определенности выражать не может. Часто оно употребляется в значении прилагательного, например, *велень улицятне* 'деревенские улицы', *вирень увномась* 'лесной шум (шум леса)' и т. д. В этих случаях к нему никогда не присоединяется постпозитивный артикль *-f*. Вместе с тем,

⁹ Б. А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, стр. 169.

¹⁰ Д. В. Бубрих, Грамматика литературного коми языка, Ленинград 1949, стр. 195.

¹¹ Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962, стр. 341.

¹² К. Е. Майтинская, Местоимение в мордовских и марийских языках, Москва 1964, стр. 10.

этот же *-ń* образует винительный падеж от имен собственных, которые сами по себе являются всегда определенными.

В мордовских языках прослеживаются реликты этого состояния. В именах собственных, которые сами по себе являются определенными, может употребляться форма родительного падежа неопределенного склонения, соответствующая по функции винительному определенному.

Примеры: *Гарузовонь кучизь запасной полкс, кона аштесь Горькой ошонть эйтэ а васоло* (Абрамов I 163) 'Гарузова направили в запасной полк, который стоял недалеко от города Горького'; *Миколень ускизь санбатов* (Абрамов I 197) 'Микола привезли в санбат'; *Ужиндэ мейле эзь моле ковгак. Витьстэ меремс, учось Гальянь* (Абрамов I 303) 'После ужина не пошел никуда. По правде говоря, ждал Галю'; *Вирень сэтьме увномась оймавтызе Надянь* (Абрамов I 40) 'Тихий шум леса успокоил Надю'.

Эрки Итконен отмечает, что в диалектах эрзя-мордовского языка формант *-ń* может присоединяться к нарицательным именам существительным и обозначать определенный объект действия, например, *kudon zaś, ortañ bandžiže, sovaŋiže nurdoñ, lišmeñ noldiže* 'пришел домой, открыл ворота, въехал с возом и отпустил лошадь'¹³. Подобное употребление иногда проникает и в литературный язык, ср. эрз. *Кунсолить прянь нолдазь* (Абрамов I 18) 'Слушали, опустив головы'. Встречается оно и у местоимений: *Силачось лексезь ды кижнэзь кандсь чарышка кишинь диск, конань сонсь кепсизе кавто кедьсэ ды што ансяк меште видьс* (Абрамов II 241) 'Силач, отдуваясь и хрипя, принес похожий на колесо железный диск, который он сам поднимал двумя руками, да и то только до груди'.

Здесь явная логическая неувязка. Окончание родительного падежа никак не могло послужить материалом для выражения определенности объекта. Это другой формант и происхождение у него иное. Первоначально это была просто эмфатическая частица. Функции определенного постпозитивного артикля у нее образовались позднее.

Можно предполагать, что родительный падеж и винительный определенный в мордовских языках первоначально не совпадали по форме, так как первый в древности оканчивался на твердый *n*, например: *кудон* 'дома', *пандон* 'горы' и т. д.

Позднее по неизвестным причинам родительный падеж в мордовских языках стал оканчиваться на палатализованный *n*. Родительный падеж и винительный определенный полностью совпали по форме. Для более четкого выражения определенности объекта действия к окончанию винительного определенного стал присоединяться второй определенный постпозитивный артикль *t*, например, *кудонть* 'дом (определенный)'. Однако это не спасло положения, поскольку второй определенный постпозитивный артикль стал также присоединяться к окончанию родительного падежа, например, *кудонть* 'дома (определенного)'. Таким образом, в мордовских языках возникла омонимия родительного и винительного падежей, которые по своему происхождению являются совершенно разными падежами.

Выводы

1. Широко распространенное в финно-угроведении мнение о генетическом тождестве суффиксов винительного и родительного падежей в мордовских языках ошибочно.

¹³ E. Itkonen, указ. раб., стр. 165.

2. Общий путь развития суффикса винительного определенного падежа в мордовских языках можно представить в виде цепочки последовательно сменяющих друг друга фаз:

- I отсутствие падежа
- II эмфатическая частица *-ń*
- III первичный винительный определенный на *-ń*
- IV вторичный винительный определенный на *-ńt*

3. Схема развития суффикса родительного падежа будет выглядеть несколько иначе:

- I первичный родительный на *-n*
- II вторичный родительный на *-ń*
- III определенный родительный на *-ńt*

4. Основной причиной возникновения винительного определенного в мордовских языках стала расшатанность системы объектного спряжения.

Сокращения

Абрамов I — К. Абрамов, Качамонь пачк, Саранск 1964; **Абрамов II** — К. Абрамов, Найман, Саранск 1957; **Алмазова** — А. В. Алмазова, Самоучитель ненецкого языка, Ленинград 1961; **Баландин** — А. Н. Баландин, Самоучитель мансийского языка, Ленинград 1960; **Bánhidí** — Z. Bánhidí, Z. Jókay, D. Szabó, Lehrbuch der ungarischen Sprache, Budapest 1969.

B. A. SEREBRENNIKOV (Moskau)

DIE RÄTSEL DES MORDWINISCHEN AKKUSATIVS

In den mordwinischen Sprachen gibt es einen Akkusativ, der immer auf das bestimmte Objekt der Handlung hinweist. Trotz der Klarheit der Funktion birgt dieser Kasus viele Rätsel. Vor allem ist sein Ursprung dunkel. Es ist unmöglich, ihn unmittelbar aus dem uralischen Akkusativ auf *-m* herzuleiten. Rein typologisch kann sich die Bedeutung des Akkusativs nicht aus der Bedeutung des Genitivs, mit dem der Akkusativ formal zusammenfällt, herausentwickeln. Es gibt viele Fälle, wann für die Bezeichnung des bestimmten Objekts die Form des unbestimmten Genitivs verwendet wird. Außerdem ist die Rolle des bestimmten Akkusativs pleonastisch, weil die Formen der objektiven Konjugation dieselben Funktionen haben.

Der Verfasser nimmt an, daß der bestimmte Akkusativ aus der emphatischen Partikel *ń* entstanden ist und mit dem Genitiv keinen genetischen Zusammenhang hat. Die Hauptsache seiner Entstehung ist die teilhafte Zerstörung und Verwirrung des Systems der objektiven Konjugation.